

Феномен традиции как фактор диалога культур: философско-религиозный аспект

*Р. Р. Каримов*¹, *Р. Р. Бекбаев*^{2,3}

¹ Национальный Университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека,
Республика Узбекистан, 100174, Ташкент, ул. Университетская, 4

² Ташкентский международный университет образования,
Республика Узбекистан, 100207, Ташкент, ул. Имама Бухари, 6

³ Ташкентский государственный университет востоковедения,
Республика Узбекистан, 100060, Ташкент, ул. Амира Темура, 20

Для цитирования: *Каримов Р. Р., Бекбаев Р. Р.* Феномен традиции как фактор диалога культур: философско-религиозный аспект // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2024. Т. 40. Вып. 2. С. 320–330. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2024.212>

В статье проведен анализ феномена традиции с точки зрения его понимания как фактора межкультурного и межрелигиозного диалога. При этом самое понятие «традиция» рассматривается авторами через призму философии традиционализма Рене Генона, для которого традиция есть связующий фактор между различными культурами. Авторы определяют, что в геноновском понимании традиция имеет экзотерическую и эзотерическую стороны, и именно через последнюю находятся совпадения между религиозными традициями различных культур. Истинная суть такой традиции постигается через интеллект и интуицию, которые находятся вне рамок рационального мышления, а выходят на ступень духовного и иррационального, что, по сути, ведет к интеллектуальной интуиции и раскрывает эзотерическую сущность традиции. Рассматривая же экзотерическую сторону, авторы устанавливают ее направленность на поддержание социального порядка, ибо не каждый индивид может обладать необходимыми «квалификациями» для постижения самой сути традиции. Для Генона обе стороны традиции, несмотря на их различия, имеют сходства в культурах Востока и Запада, однако именно западная цивилизация на современном этапе развития претерпевает состояние сильнейшего духовного кризиса, утраты традиционного пути развития. Так, учения Пифагора, Платона и Аристотеля, а также Фомы Аквинского носили традиционный характер, однако с началом эпохи Возрождения были совершенно утрачены. Авторы заключают, что антитрадиционализм Запада, выражаемый в материализме, эгалитаризме и индивидуализме, стремится к экстраполяции своего мировоззрения на все остальные культуры, результируя собой противостояние Востоку. В этом смысле духовный кризис трансформируется в целостный цивилизационный кризис Запада, единственным выходом из которого является возрождение традиции в форме религии на основе опыта Востока.

Ключевые слова: традиция, традиционализм, религия, культура, цивилизация, диалог, философская компаративистика, межкультурная философия.

В современную эпоху глобальных перемен, когда нивелируется духовное в человеке и социуме и наблюдается доминанция материального и индивидуального, актуализируется обращение к феномену традиции и традиционализму, имеющим

собственную философскую базу, граничащую со сравнительными и межкультурными философскими исследованиями. При этом, говоря о традиционализме, следует отличать его от архаизации. М. Степанянц обращает внимание на то, что «термин “архаизация” чаще всего используется в искусстве и литературе. В искусстве он означает подражание стилю, приемам мастеров прошедших эпох. В художественной литературе и поэзии — это вид стилизации, воссоздающий отдельные черты языка и стиля прошлого для передачи колорита изображаемой в произведении эпохи» [1, с. 134]. При этом понятие «архаизация» имеет и политическое применение, однако же «традиционализм» в рамках философской мысли отличается тем, что имеет глубокую метафизическую сущность, потому прежде всего следует обратить внимание на то, что понимается под традицией в философии традиционализма на примере учения Рене Жан-Мари-Жозефа Генона.

Фундаментальным концептом геноновской философии является понятие «традиция», которое, как указывает сам мыслитель, «означает просто “то, что передается” тем или иным путем» [2, с. 78], но вместе с тем традицию не следует понимать в том значении, которое ей придается в обыденном понимании, поскольку для традиционализма «все истинно традиционное определяется вмешательством “нечеловеческого” элемента» [3, с. 159]. Из этого следует, что, по сути, традиция для Генона есть не что иное, как божественная истина, постижение которой требует от человека, говоря языком философа, «определенных квалификаций». Вообще в философском дискурсе Генона как представителя компаративной философии присутствует размышление о культуре и цивилизации, осуществляется сравнительный анализ Востока и Запада, в результате которых он приходит к заключению о том, что западный мир есть «материальная цивилизация» [3, с. 96], утратившая свою традицию, духовность и сущностное содержание собственной культуры — метафизическое, которое и определяло традиционный вектор ее развития. Здесь для нас важно понимать, что же подразумевает Генон, когда говорит о «метафизической составляющей» культуры, которую он отличает от религии, философии и науки, отмечая, что «в то время, как религиозная точка зрения обязательно подразумевает наличие составляющей сентиментального рода, метафизическое видение исключительно интеллектуально» [2, с. 78], и эту интеллектуальность раскрывает именно его обращение к суфийскому учению.

Понятие «интеллект» в репрезентации Генона отличается от классического его определения, однако по сути своей сходится с тем, как понимается данное понятие в исламском мистицизме. М. Степанянц отмечает, что «суфийские мыслители (именно мыслители, а не представители орденов — институционализированного суфизма) не отрицали ценности рационального знания, но в то же время отмечали ограниченность его возможностей» [4, с. 30], ибо постижение божественной истины невозможно через разум. Г. Кабулнязова замечает, что «интеллектуальное творчество отличается от духовного тем, что оно есть отражение в нашем сознании вещей и явлений мира и ограничено рамками интеллекта» [5, с. 192]. Чисто рациональное мышление неспособно открыть божественную истину, «традицию», как говорит Генон, и не позволяет постигнуть традиционное знание, оно предопределяет «индивидуализм», который «отрицает любые качества сверхиндивидуального порядка» [3, с. 23]. Следовательно, разуму (но не «интеллекту» в геноновской интерпретации) свойственны «индивидуализация вещей», фрагментарное воспри-

ятие реальности, лишь частичное отражение сущности бытия, поскольку он, по аналогии А. Бергсона, подобен фотоаппарату, делающему лишь снимки, но не способному передать суть того, что на снимке [6, с. 438–439]. «Интеллект», о котором говорит Генон, имеет важное свойство — интуицию, которую он также называет «чистым интеллектом», «следуя примеру Аристотеля и его последователей-схоластов, так как для них интеллект определялся как способность к непосредственному постижению принципов» [2, с. 103]. При этом Генон дает важное замечание, что «интеллектуальная интуиция, благодаря которой только и возможно достижение истинно метафизического знания, не имеет абсолютно ничего общего с интуицией, разбираемой некоторыми современными философами. Их интуиция принадлежит к чувственной сфере, к сфере подрассудочной, субрациональной, тогда как интеллектуальная интуиция, являясь чистым интеллектом, сверхрассудочна, супрарациональна» [3, с. 49]. Для суфизма «чувственный опыт и основывающиеся на нем заключения разума бессильны открыть Истину... Косности разума, бессильного в постижении Истины, противопоставляется раскрепощающая сила интуиции» [4, с. 30–31]. При этом Истина в суфизме открывается через экстатическое или мистическое переживание. У Генона, как в целом и традиционализме, подобное переживание презентуется несколько по-иному. Так, Ф. Шуон обращает внимание на такую деятельность интеллекта, как интеллекция, исходящая из имманентной «божественной искры», которая и является «Интеллектом», а простая рефлексия способна лишь на логические умозаключения [7, р. 17]. Именно интеллекция, да и вообще интеллектуальная интуиция, способствует постижению традиции, однако же доступна она не каждому, ибо, как говорилось выше, необходимо обладать специальными «квалификациями», которые есть у представителей так называемой интеллектуальной элиты, наличие которой разделяет, по мнению Генона, современный Восток и Запад, причем здесь мы подходим к социально-философской концепции мыслителя, которая составляет важный компонент всего его системы.

Социальный порядок в традиционализме Генона определяется двумя сторонами традиции — экзотерической, доступной для всех, и эзотерической, суть которой открыта лишь интеллектуальной элите [2, с. 103]. Экзотерическая сторона традиции определяет общий социальный порядок, подобно тому, как «shariyah включает в себя все то, что западными языками обозначается как собственно “религиозное”, таким образом, вся социальная и законодательная сторона ислама по существу связывается с религией. Можно сказать, что она есть прежде всего правило действия, в то время как haqiqah есть чистое познание» [8, с. 13]. Тем самым шариат есть лишь внешняя сторона мусульманской традиции, в то время как суфизм есть его внутренняя, сущностная сторона, открытая именно интеллектуальной элите. М. Степанянц отмечает характерность различения в суфизме духовной элиты («хасса»), постигающей эзотерическое, истинное знание, и обыкновенных людей (амма или джумхур) [4, с. 38]. Именно эта элита проходит все те этапы, которые обозначаются суфийским учением. Несмотря на различия в данных этапах между орденами мусульманского суфизма, они сводятся к трем основным, о которых говорит исследователь суфизма Н. Комилов: тарикат (путь), маърифат (просвещение) и хакикат (истина), причем, говоря о последнем, он отмечает, что «под истиной здесь понимается сам Аллах, знание и свет которого мы постигаем (поскольку истина есть сам Аллах, то все созданное им есть лишь образ Его, отчужденный от Него)» [9, с. 42].

Знание, которое исходит от Бога, и есть традиция, но важно понимать, что употребление понятия «традиция» Геноном носит лишь условный характер и связано с его этимологией, о которой говорилось выше, ибо божественное знание «передается» от поколения к поколению через интеллектуальную элиту. По мнению философа, передача традиции должна осуществляться устным путем через учение, письменная же фиксация не всегда передает сам дух учения [2, с. 103]. Во многих суфийских орденах обучение осуществлялось шейхами, пирами и вали, т. е. духовными наставниками или лидерами орденов. Следует отметить, что сам Рене Генон, как пишет один из крупнейших исследователей традиционализма М. Сэджвик (M. Sedgwick), в 1910 г. в возрасте 24 лет принял ислам [10, с. 17], а позже вступил в суфийский орден Шазилия, получив имя Абдель Вахид Яхъя, в котром затем стал шейхом. Роль шейха имела большое значение исторически не только в самом этом братстве, но и на территории, где оно существовало. Так, по сведениям А. Кныша, «пользуясь своим авторитетом, шазилийские шайхи могли предотвращать или смягчать неизбежные конфликты между различными группами своих приверженцев. Осуществляя примиренческие и посреднические функции, они не просто укрепляли свой авторитет в глазах местных жителей, но и становились совершенно незаменимыми для нормального функционирования магрибинских обществ» [11, с. 246]. И хотя само принятие Геноном ислама носило лишь инициатический характер и было его личным выбором [12, р.1], тем не менее это является показателем того, что в западной цивилизации мыслитель уже не находил того пути, который мог бы привести его к постижению традиции и погружению в то, что суфии называют «фана», или «состояние слияния с божеством, полное отречение от своего “я”, умерщвление и растворение его в божестве» [13, с. 193]. Особенностью современного Запада, как ранее отмечалось, является индивидуализация, т. е. фрагментация бытия, противоположная сверхиндивидуальному, которое, по сути, и есть «слияние с божеством».

Итак, выше нами была обозначена суть «традиции» в философии традиционализма, мы видим, что данный концепт носит важный компаративный и межкультурный характер, а потому на его основе формируется компаративистская философия Рене Генона, одно из центральных мест которой отводится сравнительному анализу Восточных и Западной культур как традиционалистских и антитрадиционалистской соответственно, и данный вопрос занимает центральное место не только в философии самого Генона, но и всего традиционализма в целом. Восток, как пишет Генон, состоит из трех крупных цивилизаций — Китайской, Индуистской и Исламской [3, с. 39], которые находятся в сущностном единстве, ибо развитие идет по «традиционному пути». При этом между ними существуют свои внутренние отличия. Так, китайская цивилизация, как отмечает Генон, является уникальной [2, с. 76], что выражается в ее Дао, или «едином универсальном пути» [3, с. 325], предзаданном свыше, который и определяет место каждого индивида в социальном порядке и его предназначение. Но здесь концепт Дао не следует понимать только лишь в контексте даосской философии, ибо, как отмечает Ван Цзянь, «само слово «Дао» вовсе не является исключительным достоянием даосизма. Оно принадлежит всей китайской мысли, и каждый философ Древнего Китая видел в нем обозначение истины или, точнее, правды и праведного пути жизни» [14, с. 78]. В геноновском традиционализме Дао и есть само по себе отражение примордиальной традиции, которое репрезентируется в основном в виде двух учений —

конфуцианства и даосизма, которые есть экзотерическая и эзотерическая стороны китайской традиции, потому как «если в конфуцианстве Дао — путь нравственно-го совершенствования и правления на основе этических норм, то в даосизме Дао приобретает значение высшего первопринципа, мировой субстанции, источника бытия всего сущего» [14, с. 78]. Важно заметить, что по Генону даосизм отражает сущностное содержание самого Дао, потому и недоступно широким слоям социума в то время, как конфуцианство представляет собой практическое воплощение Дао, его реализацию в социальной жизни [3, с. 18]. В китайской культуре, называемой Геноном традиционной, каждый следует закону Дао и не отклоняется от своего предназначения и основой этого является принцип «недеяния», который, как отмечает философ, «западные люди вряд ли вообще могут понять» [8, с. 83]. Однако мыслитель подчеркивает один момент, состоящий в том, что принцип «недеяния» не означает инертность или совершенную бездеятельность, «оно, напротив, есть полнота деятельности, но это трансцендентная деятельность и совершенно внутренняя, не-проявленная, в единстве с Принципом, следовательно, по ту сторону всяких различий и всех видимостей, которые простыми людьми принимаются за саму реальность, тогда как они суть лишь более или менее отдаленные отражения» [8, с. 83]. То есть жить согласно принципу «недеяния» в китайской традиции — значит существовать в соответствии с тем предназначением, которое дано Дао, не пытаясь отклоняться от естественного порядка вещей. Интересно то, что даосское учение, как внутренне содержание китайской традиции, по Генону, доступно лишь интеллектуальной элите [3, с. 18], чем философ указывает на то, что постижение метафизической сути Дао возможно лишь тем, кто обладает «необходимыми квалификациями». Конфуцианство же, как практическое воплощение традиции, «доступное для всех», содействует поддержанию традиционного порядка китайской культуры и общества. В силу именно конфуцианства, как политико-правового и нравственного учения, в китайской культуре «общественное устройство покоится на семье», и, более того, Генон пишет, что «мы не верим, что человечество, где-либо кроме Китая, зашло настолько далеко в укреплении семейного единства в противоположность любого рода индивидуализму» [2, с. 76]. Отрадно и то, что для конфуцианства «всему есть свое место» [15, с. 226] и каждый должен занимать то положение, которое отведено ему в социальной иерархии, ибо «государь должен быть государем, отец — отцом, сын — сыном, слуга — слугой и т. д.» [15, с. 22]. Именно такое устройство общества считается Геноном традиционным и соответствующим «нормальному порядку вещей».

Китайская культура в понимании геноновского традиционализма является сопоставимой с индийской [2, с. 46], однако в последней мыслитель не обнаруживает деления традиции на эзотерическую и экзотерическую составляющую, поскольку она носит чисто метафизический характер [2, с. 81] и само устройство социума в Индии, как считает Генон, основано на положениях традиции и воплощается в институте каст, социальной стратификации, которая «есть общественная функция, определяемая внутренней природой каждого человеческого существа» [2, с. 189]. В этой связи исследователь Р. Зобков отмечает, что понимание Геноном устройства общества происходит через призму «органицистского социологического подхода» [16, с. 49]. Действительно, по Генону, устройство общества уподобляется устройству организма, в котором каждый орган выполняет отведенную ему

функцию, в чем усматривается влияние индийской культуры и философии, где присутствует деление на «варны», описываемое следующим образом: «...брахманы рождены ото рта, ори — от рук, вайшьи — от бедер, шудры — от ног Брахмы» [17, с. 7]. Сам Генон писал, что «варна означает природу или особое качество личности» [18, с. 10], то есть самое разделение общества на «страты» носит естественный характер и любые эгалитаристские концепции мыслитель отрицает, указывая на то, что они противоречат самой природе, тем самым постулируя принцип антропологического неравенства. Важно заметить то, что Генон подчеркивает неправильное понимание западной мыслью института каст через призму экономических критериев. Отнюдь, социальная стратификация основана на традиционном порядке тем, что предопределено каждому индивиду в его способностях и возможностях, а Ф. Шуон дополняет, указывая на то, что «индийская система исходит из духовных или интеллектуальных различий» [18, с. 39].

Основу индусской традиции Генон обнаруживает в Ведах, которые представляют собой источник «неограниченного традиционного знания» [2, с. 163], из которого исходят различные «ветви» традиции или «даршаны»: ньяя и вайшешика, санкхья и йога, миманса и веданта [2, с. 207], которые, несмотря на свои различия, находятся во внутреннем метафизическом единстве с традицией. Упанишады же, по Генону, направлены на «уничтожение невежества», и при этом он приводит важное замечание о том, что «Упанишады означают знание, полученное сидя у учителя» [2, с. 242]. Это замечание имеет ключевое значение, поскольку для мыслителя, да и в целом для всего традиционализма, традиционное знание может передаваться лишь от учителя к ученику путем устной передачи учения, что характерно, как считает Генон, для индусской традиции. Интересно то, что философ говорит о таких понятиях, как ортодоксия и гетеродоксия, которые суть неуклонное следование традиции и отклонение от нее соответственно. К числу гетеродоксальных учений Генон относит буддизм, указывая, что он «по сравнению с другими восточными учениями... в некоторых отношениях является более близким или, скорее, менее далеким от западных концепций, что делает его более доступным для изучения на Западе» [2, с. 171]. Кроме того, Генон определяет, что буддизм есть «восстание против духа Традиции, отрицающее всякий духовный авторитет и порождающее подлинную анархию» [3, с. 18]. Причина такого отношения философа к буддизму кроется в том, что последний отрицает институт каст, а это противоречит самой традиции и при этом составляет идейное ядро восстания кшатриев против брахманов. Сам основоположник буддизма Сидхартха Гаутама был кшатрием по происхождению и допускал к своей дхарме представителей низших каст, в том числе и неприкасаемых [19, р. 14], что само по себе не соответствует традиционному порядку, который формирует основу социально-философской концепции традиционализма Генона. Тем не менее традиция в Индии остается перманентно ортодоксальной и неизменной, несмотря на возникновение гетеродоксальных концепций. Другие традиционалисты, единомышленники Генона либо его последователи, не относятся к буддизму столь критично. Так, Ф. Шуон (F. Schuon) пишет, что «буддизм смог несколькими веками ранее оживить определенные аспекты индийской духовности» [18, с. 93], А. Кумарасвами относил учение буддизма к перенниализму, а следовательно, и к традиционализму. Связано это с тем, что, например, индуистская «мокша» в буддизме есть «нирвана», в исламе — «фано», в даосизме — «мин».

То есть в буддизме можно обнаружить концепции, схожие с другими традиционными учениями.

В компаративизме Генона исламская цивилизация занимает «срединное» положение между Востоком и Западом. Ф. Шуон отмечает, что для ислама не существует кастовых и других различий, и доступ к мусульманскому вероучению имеет практический каждый [18, с. 48]. Несмотря на это, Генон определяет мусульманскую культуру как традиционную, но имеющую экзотерическую и эзотерическую стороны, или шариат и тасаввуф соответственно. Генон также именуется шариат «законодательством» [20, с. 158], предписывающим членам общины правила поведения и имеющим регулятивное значение, поскольку через него поддерживаются неуклонность и единство мусульманской традиции, а также соответствие традиционному порядку вещей. Тасаввуф, или суфизм, воплощает в себе ядро исламской традиции, ее скрытую метафизическую сущность, фокусирующуюся на учении о «фано», или «растворении». Передача учения в суфизме осуществлялась от учителя к ученику, так же осуществлялась инициация в тот или иной орден. Как пишет М. Степанянц, суфийские общины «формировались вокруг шейха, последний играл преимущественно роль духовного наставника и никак не ограничивал свободу членов ханака в бытовых вопросах» [4, с. 8]. Также М. Степанянц отмечает, что «приблизительно к XII в. на базе завия и ханака возникают образовательные центры во главе с наставниками, которые обучали особому “тарика”, передаваемому по “цепи” (силсила)» [4, с. 9]. Все это соответствует духу геноновского традиционализма, потому суфизм и стал играть такую важную роль для всех традиционалистов, многие из которых вступали в тот или иной орден, как и сам философ.

Восточным культурам как традиционным по своему духу и социальному устройству и находящимся в метафизическом единстве противопоставляется Запад как антитрадиционная культура. При этом Генон замечает, что не всегда западная цивилизация была направлена против традиции. Так, он пишет: «Если мы сравним то, о чем обычно говорят как о классической античности, с восточными цивилизациями, то с очевидностью обнаружим, по меньшей мере в некоторых отношениях, намного большее общего, чем при сравнении с современной Европой» [2, с. 29]. Интересно то, что, по мнению Генона, источником традиции западной античной культуры является именно Восток [3, с. 30]. Одной из ранних форм традиции в античности Генон называет орфизм, реставрированной формой которого, по его мнению, является пифагореизм. И в орфизме, и в пифагореизме мыслитель обнаруживает эзотеризм, что видно, в частности, на примере концепции метемпсихоза. Философ отмечает, что хотя термин «философия» и был введен Пифагором, его современное понимание на Западе искажено тем, что он сводится лишь к «произвольным мнениям», в то время как истинный смысл философии состоит в том, чтобы быть предварительной стадией, предуготовлением к традиционному знанию и мудрости. Искаженное понимание философии породило, по Генону, дальнейшее отклонение от традиции на Западе.

Восприятие пифагорейского учения как математического является лишь поверхностным его пониманием, в то время как оно имело внутреннюю эзотерическую традицию. Исследователь Дж. Нванегбо-Бен (J. Nwanegbo-Ben) отмечает, что сам Пифагор «интересовался математикой по религиозным причинам, что указывает на то, что пифагорейцы через призму математического знания интерпре-

тировали различные религиозные вопросы» [21, р. 10444], и именно этим можно объяснить значение его учения для традиционализма: в данном контексте можно эксплицировать и саму западную традицию как таковую и обнаружить ее взаимосвязь с восточными традициями. По замечанию самого Генона, пифагореизм оказал сильнейшее влияние на Платона [22, с. 15], который также определяется им как один из «метафизиков Запада», а платонизм — как одно из традиционных западных учений, в котором также присутствуют экзотеризм и эзотеризм, и последний выражается в том, что сама надпись над платоновской Академией — «Не геометр да не войдет!» — по сути есть отсылка к пифагорейской традиции в ее эзотерической части [3, с. 463]. Из этого следует, что и в самой Академии существовало «неписаное учение», или традиция, постижение которой требовало особых «квалификаций». Однако Генон не считает учение Платона «чистым» от искажений.

Наряду с Платоном одним из важнейших фигур античной мысли в контексте традиционализма признается и Аристотель, учение о перво двигателе которого, по мнению Генона, имеет чисто традиционную сущность, поскольку «недвижимым двигателем» всякого действия является знание. Только знание позволяет выйти за рамки ограниченности этого мира, и, когда оно достигает сферы неизменного, то есть становится знанием чисто метафизическим, знанием самого Принципа, то есть Знанием в самой глубине своей сущности, оно само становится неизменным, так как всякое подлинное знание состоит в отождествлении с объектом этого знания, и в данном случае с самим Принципом» [3, с. 45–46]. Также Генон отмечает сущностное сходство аристотелизма и даосизма в контексте онтологии, когда происходит переход от единства к множественности и наоборот [8, с. 36]. Вообще учения Платона и Аристотеля, как считает мыслитель, являются взаимодополняющими, ибо первый рассматривает трансцендентный аспект традиции, в то время как второй — имманентный [3, с. 448].

Эпоха Средневековья, по определению Генона, является последним периодом традиционного развития Западной культуры, и вершина средневековой западной традиции — учение Фомы Аквинского, которое продолжает античные традиции. Однако с началом эпохи Возрождения Запад впадает в отклонение от традиции и постепенно входит в состояние кризиса [3, с. 22]. И одним из важных показателей данного кризиса является для Генона ренессансный антропоцентризм [23, р. 201]. Утрачивая всякое сходство с Восточными культурами, Запад в своем историческом развитии после XIV в. стремится к прозелитизму собственных анти традиционных идей, заключающихся в том, что материальное приобретает доминирующее значение над духовным, религия теряет свое место в жизни западного социума, происходит углубление «индивидуализма», утрачиваются многие ценности, и в целом современная «Западная цивилизация предстает в истории как настоящая аномалия» [20, с. 37]. Эта «материальная цивилизация» стремится к экстраполяции собственного искаженного мировоззрения на всю человеческую культуру, чем и вызывает противостояние с Востоком. По Генону, само противостояние двух цивилизаций есть именно продукт западного мышления и действия, ибо восточные культуры не стремятся к каким-либо противоречиям с Западом. Важно заметить, что Запад применяет к цивилизации Востока различные понятия, не отражающие ее сущности. Сциентизм же западного мировоззрения полностью отрицает все, принадлежащее традиционному, или духовному, порядку, в частности религию и религи-

озное мировоззрение. Генон также критикует и западный эгалитаризм, поскольку представление о том, что все индивиды эквивалентны между собой, абсурдно, ибо они неравны уже от природы [3, с. 482]. Все эти антитрадиционные элементы современной западной цивилизации погрузили ее в сильнейший кризис, выход из которого возможен, по мнению Генона, лишь путем обращения к Востоку, ибо только он может помочь Западу возродить собственную традицию и духовность.

Литература

1. Глинчикова, А. Г., Синеокая, Ю. В.* и Степанянц, М. Т. (2017), Архаизация: поворот вспять или мобилизация к будущему? *Философский журнал*, т. 10, № 3, с. 133–152.
2. Генон, Р. (2013), *Общее введение в изучение индусских учений*, М.: Беловодье.
3. Генон, Р. (2008), *Кризис современного мира*, М.: Эксмо.
4. Степанянц, М. Т. (1987), *Философские аспекты суфизма*, М.: Наука.
5. Кабулнязова, Г. Т. (2021), Компаративный анализ представлений Джалаладдина Руми, Анри Бергсона и Шри Ауробиндо Гхоша об интуиции и духовной любви, *Вопросы философии*, № 11, с. 188–197.
6. Бергсон, А. (1999), *Творческая эволюция. Материя и память*, Минск: Харвест.
7. Schuon, F. (2006), *Sufism: Veil and Quintessence. A New Translation with Selected Letters*, Bloomington: World Wisdom.
8. Генон, Р. (2017), *Заметки об исламском эзотеризме и даосизме*, М.: Беловодье.
9. Комилов, Н. (2009), *Тасаввуф*, Ташкент: Movarrounahr.
10. Сэджвик, М. (2014), *Наперекор современному миру: Традиционализм и тайная интеллектуальная история XX века*, М.: Новое литературное обозрение.
11. Кныш, А. Д. (2004), *Мусульманский мистицизм: краткая история*, СПб.: Дия.
12. Schuon, F. (1985), A Note on Rene Guenon, *Studies in Comparative Religion*, vol. 11, no. 1–2, pp. 1–2.
13. Суфизм и мусульманская духовная традиция: тексты, институты, идеи и интерпретации (2015), СПб.: Петербургское Востоковедение.
14. Ван Цзянь (2011), Даосизм как образ жизни, *Вестник БГУ*, № 6, с. 77–81.
15. Конфций (1995), *Я верю в древность*, М.: Республика.
16. Зобков, Р. А. (2020), Социальная философия, философия политики и онтологический статус понятий «Власть» и «Право» в дискурсе Рене Генона, *Философская мысль*, № 3, с. 44–57.
17. Нобель, М. и Кумарасвами, А. (2010), *Мифы буддизма и индуизма*, М.: Центрполиграф.
18. Эвола, Ю., Шуон, Ф. и Генон, Р. (2010), *Касты и расы*, Тамбов: Ex Nord Lux.
19. Sinha, N. C. (1970), Brahmana and Kshatriya, *Bulletin of Tibetology*, vol. VII, no. 1, pp. 13–16.
20. Генон, Р. (2023), *Восток и Запад*, М.: Беловодье.
21. Nwanegbo-Ben, J. (2017), Pythagoras: Mathematician or Mystic?, *European Academic Research*, vol. IV, is. 12, pp. 10440–10448.
22. Генон, Р. (2010), *Очерки о традиции и метафизике*, СПб.: Азбука.
23. Karimov, R. and Bekbaev, R. (2022), The Traditionalism of Rene Guenon in the Discourse of Philosophy of History and Social Anthropology, *Wisdom*, no. 1 (21), pp. 194–202.

Статья поступила в редакцию 18 октября 2023 г.;
рекомендована к печати 26 апреля 2024 г.

Контактная информация:

Каримов Рахмат Рахманович — канд. филос. наук, проф.; r.karimov@nuu.uz
Бекбаев Рауф Рустамович — д-р философии (PhD); t403@tiue.uz

---

* Признана в РФ иностранным агентом.

The Phenomenon of Tradition as a Factor of the Dialogue of Cultures: Philosophical-Religious Aspect

R. R. Karimov¹, R. R. Bekbaev^{2,3}

¹ National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek,
4, ul. Universitskaya, Tashkent, 100174, Republic of Uzbekistan

² Tashkent International University of Education,
6, ul. Imama Bukhari, Tashkent, 100207, Republic of Uzbekistan

³ Tashkent State University of Oriental Studies,
20, ul. Amira Temur, Tashkent, 100060, Republic of Uzbekistan

For citation: Karimov R. R., Bekbaev R. R. The Phenomenon of Tradition as a Factor of the Dialogue of Cultures: Philosophical-Religious Aspect. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2024, vol. 40, issue 2, pp. 320–330. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2024.212> (In Russian)

The article analyzes the phenomenon of tradition from position of its understanding as a factor of intercultural and interreligious dialogue. At the same time, the very concept of 'tradition' is considered by the authors through the prism of the philosophy of Rene Guenon's traditionalism, for whom tradition is a connecting factor between cultures. The authors determine that in the Genonian understanding, tradition has exoteric and esoteric sides, and it is through the latter that there are coincidences between religious traditions of different cultures. The true essence of such a tradition is comprehended through intellect and intuition, which lay outside the framework of rational thinking, but get to the level of the spiritual and irrational, which in fact leads to intellectual intuition and reveals the esoteric essence of tradition. Considering the exoteric side, the authors establish its focus on maintaining social order, because not every individual can have the necessary 'qualifications' to comprehend the essence of tradition. For Guenon, both sides of the tradition, despite their differences, have similarities in the cultures of the East and the West, but it is Western civilization at the present stage of its development that is undergoing a state of severe spiritual crisis, the loss of the traditional path of development. Thus, the teachings of Pythagoras, Plato, Aristotle, and also Thomas Aquinas, were of the traditional nature, but with the beginning of the Renaissance they were completely lost. The authors conclude that the Western anti-traditionalism, expressed in materialism, egalitarianism, and individualism, tends to extrapolate its worldview to all other cultures, resulting in a confrontation with the East. In this sense, the spiritual crisis is transformed into a whole civilizational crisis of the West, the only way out of which is the revival of tradition in the form of religion based on the Eastern experience.

Keywords: tradition, traditionalism, religion, culture, civilization, dialogue, comparative philosophy, intercultural philosophy.

References

1. Glinchikova, A., Sineokaya, J.* and Stepanyants, M. (2017), Turn to archaism: is it a setback or a build-up for a new breakthrough? *Filosofskii zhurnal*, vol. 10, no. 3, pp. 133–152. (In Russian)
2. Guenon, R. (2013), *Introduction to the study of the Hindu doctrines*, Moscow: Belovode Publ. (In Russian)
3. Guenon, R. (2008), *The crisis of the modern world*, Moscow: Eksmo Publ. (In Russian)
4. Stepanyants, M. T. (1987), *Philosophical aspects of Sufism*, Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
5. Kabulniyazova, G. T. (2021), Comparative analysis of Sri Aurobindo Ghosh, Jalaliddin Rumi and Henri Bergson's ideas about intuition and spiritual love, *Voprosy filosofii*, no. 11, pp. 188–197. (In Russian)
6. Bergson, H. (1999), *Creative evolution. Matter and memory*, Minsk: Harvest Publ. (In Russian)

---

* Is recognized in Russian Federation as a foreign agent.

7. Schuon, F. (2006), *Sufism: Veil and Quintessence. A New Translation with Selected Letters*, Bloomington: World Wisdom.
8. Guenon, R. (2017), *Insights into Islamic Esoterism and Taoism*, Moscow: Belovod'e Publ. (In Russian)
9. Komilov, N. (2009), *Sufism*. Tashkent: Movarrounahr.
10. Sedgwick, M. (2014), *Against the Modern World. Traditionalism and the Secret Intellectual History of the Twentieth Century*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian)
11. Knysh, A. D. (2004), *Muslim Mysticism: A Brief History*, St Petersburg: Dilia Publ. (In Russian)
12. Schuon, F. (1985), A Note on Rene Guenon, *Studies in Comparative Religion*, vol. 11, no. 1–2, pp. 1–2.
13. *Sufism and the Muslim spiritual tradition: Texts, institutions, ideas and interpretations* (2015), St Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie Publ. (In Russian)
14. Van Czyan (2011), Taoism as a way of life, *Vestnik BGU*, no. 6, pp. 77–81. (In Russian)
15. Confucius (1995), *I believe in antiquity*, Moscow: Respublika Publ. (In Russian)
16. Zobkov, R. A. (2020), Social philosophy, philosophy of politics and the ontological status of the concepts of “Power” and “Law” in the discourse of Rene Guenon, *Filosofskaja mys'*, no. 3, pp. 44–57. (In Russian)
17. Nobel, M., Coomaraswamy A. (2010), *Myths of Buddhism and Hinduism*, Moscow: Tsentrpoligraf Publ. (In Russian)
18. Evola, J., Schuon, F. and Guenon, R. (2010), *Castes and races*, Tambov: Ex Nord Lux Publ. (In Russian)
19. Sinha, N. C. (1970), Brahmana and Kshatriya, *Bulletin of Tibetology*, vol. VII, no.1, pp. 13–16.
20. Guenon, R. (2023), *East and West*, Moscow: Belovod'e Publ. (In Russian)
21. Nwanegbo-Ben, J. (2017), Pythagoras: Mathematician or Mystic? *European Academic Research*, vol. IV, is. 12, pp. 10440–10448.
22. Guenon, R. (2010), *Essays on tradition and metaphysics*, St Petersburg: Azbuka Publ. (In Russian)
23. Karimov, R. and Bekbaev, R. (2022), The Traditionalism of Rene Guenon in the Discourse of Philosophy of History and Social Anthropology, *Wisdom*, no. 1 (21), pp. 194–202.

Received: October 18, 2023

Accepted: April 26, 2024

Authors' information:

Rakhmat R. Karimov — PhD in Philosophy, Professor; r.karimov@nuu.uz

Rauf R. Bekbaev — PhD in Philosophy; t403@tiue.uz